

С легкой руки знаменитого нашего философа Ивана Ильина революцию 1917 года окрестили «национальной катастрофой». Была ли она катастрофой? Безусловно, была. Причем, катастрофа началась не в октябре 1917-го, а в феврале, когда представители финансовой и политической элиты Империи, в том числе члены Императорской фамилии, свергли с Престола Императора Николая II. Генералы, олигархи, сановники и депутаты думали, что им удастся мягко обрушить только политическую конструкцию власти, устранив Императора и его окружение. Однако они разбудили такие стихии, усмирить которые им оказались не по зубам. В итоге рушиться начала страна. Россия «кровью умылась» в годы братоубийственной гражданской. Поэтому, несомненно, революция 1917 года была национальной катастрофой.

Однако, это только одна сторона процесса. Ведь спустя всего 20 лет со времени революции многие ее творцы и герои переселились из облюбованных ими властных кабинетов в тюремные камеры, а потом их товарищи по борьбе «наградили» их пулей или ударом альпенштока. А в стране началась определенная реставрация имперских и русских национальных идей и символов.

Сложность революционной и постреволюционной эпохи породила расхождения в оценках революции со стороны здоровой части русской эмиграции (потомков тех, кто боролся против «красных») и патриотического сообщества России. Эмигранты настаивают на катастрофичности революции, представляют И. В. Сталина только верным учеником и про-

должателем дела В. И. Ленина. Мы же говорим об односторонности такой оценки. Да, революция была катастрофой, но русский народ переварил космополитическую идеологию коммунизма в нечто иное, порой прямо противоположное по смыслу. В сталинскую эпоху ранний большевизм русскими был национализирован. Отсюда этот всплеск русофобии на Западе после нашей Победы в Великой Отечественной войне.

Один острослов заметил, что у России всегда непредсказуемое прошлое. Шутка отдает русофобией, но в ней уловлена существенная черта нашего национального характера — для русского человека прошлое — не есть что-то канувшее в Лету. Русский человек, даже порвавший с церковной традицией, понимает, что в России грань между историей и вечностью очень тонка. Поэтому русские споры о прошлом — это споры о настоящем и будущем. Поэтому они такие ожесточенные.

И в центре этих споров обречены быть события трагического и героического XX века — века, в котором произошла и революционная катастрофа 1917 года, повлекшая ожесточенную братоубийственную войну, и великая русская Победа 1945 года, увенчавшая кровопролитную Великую Отечественную войну. Наполненный преступлениями и изменами, жертвенностью и героизмом XX век обречен быть предметом споров сегодня. Ведь от понимания того, что мы пережили в XX веке, от извлечения уроков из трагического и героического национального опыта зависит наш путь в будущее. Преодолеет ли русский народ идеологическое разделение? Или мы на радость нашим врагам продолжим вновь делиться на «белых» и «красных», что завершится новой междоусобицей? Это фундаментальный выбор. Потому и споры о нашем прошлом такие ожесточенные.

И ключевые фигуры этого спора о преемственности или катастрофичности нашей истории — Царь-Мученик Николай Александрович и Иосиф Виссарионович Сталин. Понимание смысла их служения, их подвига только и может помочь нам понять нашу непростую историю минувшего столетия. По большому счету речь должна идти о примирении Царя Николая и Иосифа Сталина, о понимании того общего великого дела, которое по-разному делали эти два великих творца нашей истории.

К сожалению, сделать это непросто, ведь внешне Царь-Мученик Николай и Иосиф Сталин — два исторических антипода, представители антагонистических сил, действовавших в нашей истории. На это напирают люди, привыкшие мыслить схластически. Однако и диалектика оказывается бессильной при решении многих проблем истории России первой половины XX века. Их можно пробовать решить, только используя метод икономии, который часто использовался Церковью при решении сложнейших вопросов ее бытия. Самый свежий пример применения икономии — урегулирование отношений между Русской Православной Церковью, во Отечестве сущей, и Русской Православной Церковью Заграницей. Использование метода икономии основано на общей любви. В случае воссоединения РПЦ и РПЦЗ — на любви к Русской Церкви. В случае примирения Государя и Сталина — на любви к России.

Опасность того, что русские патриоты договорятся по поводу Царя-Мученика Николая и Иосифа Сталина, понимают наши идейные противники и стараются этого не допустить. Вспомним недавний телепроект «Суд истории» Николая Сванидзе на телеканале «Россия», где патриот С. Е. Кургинян аргументированно защищал Сталина и советскую эпоху и при этом нападал на Государя, которого защищал демократ Л. М. Млечин. Налицо новая попытка столкнуть лбами «красных» и «белых», снова разделить русский народ. Некоторые силы, увидев, что начали заживать раны русского разделения, что красно-белое противостояние уходит в прошлое, испугались и начали резать по-живому, берeditь только-только затянувшиеся раны.

К сожалению, в этой опасной для нашего будущего операции принимают участие не только советские патриоты и либеральные демократы. Им, увы, помогают и некоторые православные патриоты. Их усилиями общественному сознанию навязывается лубочное представление о Царской России и одновременно демонизируется фигура И. В. Сталина. Это не только не способствует, мягко говоря, адекватному пониманию Сталина, но и искажает образ святого Царя-Мученика Николая.

Сейчас нередко можно встретить попытки представить Государя то великим полководцем, то великим дипломатом, то великим преобразователем. Причем, Государь сам себя не дерзал называть полководцем, поэтому так и остался в звании полковника, что свидетельствует о его скромности и адекватности. С «преобразователем» вообще выходит — «кура на смех». Что прикажете считать «великим реформами» Царя Николая II? Проект Витге с золотым рублем, поставивший Россию в экономическую зависимость от мирового капитала? Или, может быть, учреждение Государственной Думы, вырванной у Царя революцией и потом сделавшейся рассадником революции? Или, может, столыпинскую аграрную реформу, разрушившую общину, что современные П. А. Столыпину монархисты считали чуть ли не антигосударственным преступлением, подготовившим социальную почву для революции?

При этом люди, внешне превозносящие таким образом Государя, на деле оказывают «медвежью услугу» национальному и религиозному самосознанию русского народа. Ведь приписыванием Царю-Мученику Николаю не существовавших заслуг затушевывается суть реального подвига нашего Царя — подвига Удерживающего. Смысл подвига Государя состоял не в том, что он успешно руководил страной и предлагал гениальные государственные решения, а в том, что он до конца удерживал Россию от сползания в пропасть. Для понимания смысла его подвига нам важно понять два главных качества Государя. Во-первых, величайшее смирение перед Господом, перед Промыслом Божиим, полное воплощение в своей жизни первой (и самой трудно исполнимой!) заповеди блаженства — «Блаженны нищие духом». Во-вторых, его упорство и сильная воля, благодаря чему он держался за Самодержавие до последней возможности, пытался удержать страну и народ (да, что там народ — весь мир!) от катастрофы. Он лавировал между разными группами влияния, стараясь не довести дела до кризиса, шел на уступки то либералам, то консерваторам, то националистам. Они же это лавирование принимали за проявление слабости. Всем этим высококолым профессорам, всем этим удачливым олигархам, этим прожженным политикам, амбициозным генералам и острозыким публицистам было невдомек, что на хрупких плечах этого небогатырского сложения человека держится вся Россия. Что они без него — никто. Щепки, плывущие по воле волн. Они оказались не в состоянии удержать Россию.

Государь был сильным человеком, но это была не сила политика и полководца, это была сила русского духа.

Был ли неревolutionционный выход из кризиса, в котором оказалась Российская Империя в начале XX века? Все больше убеждаюсь, что, увы, такого выхода не было. Поскольку Государь находился в трагическом одиночестве. У него не было надежной политической опоры. Лишь немногие представители дореволюционной элиты его понимали. Был слабый шанс на неревolutionционный выход из политического кризиса, он был связан с возможностью создания «николаевской опричнины» из числа Черной сотни. Но этот шанс очень трудно было реализовать. Во-первых, и само черносотенное движение, будучи плоть от плоти русского общества той эпохи, вскоре было поражено расколами и внутренними усобицами, а потому стать твердой опорой Царю не смогло бы. Во-вторых, и это главное, правительство, прежде всего, его глава П. А. Столыпин и

высшие сановники не были заинтересованы в интеграции Черной сотни в государственные структуры, что только и позволило бы сформировать из числа черносотенцев опричные структуры, которые могли помочь в подавлении революции.

Российская Империя неизбежно катилась к краху. Вопрос был только один: когда это случится. Только один Государь, опираясь на великую силу народной инерции, пытался отложить крах, не допустить катастрофы. В таких условиях государственная система долго протянуть не могла.

Политическая элита к началу XX века уже не соответствовала высоте и глубине миссии, которую выполняла Россия. Общество было поражено какой-то нездоровой сентиментальностью и восторженностью (достаточно вспомнить знаменитую картину Ильи Репина «17 октября», где ликуют неразумные будущие жертвы революции). Дворянство как столп государственного устройства выродилось, перестало понимать свои задачи — быть служилым сословием. Яркий пример — довыборы в Государственный Совет от дворянской курии в 1915 году, когда дворянские выборщики «прокатили» монархистов и избрали либералов. Духовенство и епископат жаждали отделиться от государства, ненависть к синодальному устройству Церкви была чуть ли не повсеместной. Купечество открыто финансировало революционеров. Фабриканты хотели только увеличивать свою прибыль, эксплуатируя рабочих. Крестьяне жили одной мыслью — как бы пожить на земле за счет помещиков. Рабочие все больше заражались социалистической пропагандой всеобщего равенства. О каком-то смирении и терпении мало кто хотел слышать.

Революция в таких условиях была неизбежной. Ее отодвинула Великая война, с которой правая партия связывала надежду на ободрение и оздоровление общества. Но война оказалась очень затяжной и кровопролитной. А первые неурядицы на фронте обострили все старые социальные болезни. Общество, несмотря на буйные проявления патриотизма в начале войны, оказалось не готово к длительным испытаниям. Народное единство обрести не удалось.

Сегодня приходится слышать рассуждения о «сорванном триумфе» России, которая, мол, стояла в двух шагах от победы. Какой мог быть триумф, когда отречение Государя от престола поддержали ВСЕ высшие русские генералы?! С кем пришлось бы праздновать триумф Царю? С мусульманином Гусейном ханом Нахичеванским и лютеранином генералом Ф. А. Келлером?! Именно эти два генерала (насчет хана, правда, выдвигаются сомнения) проявили верность Государю, а все русские православные генералы от Великого князя Николая Николаевича и начальника Штаба Ставки генерал-адъютанта М. В. Алексеева до командующих всех фронтов и флотов оказались изменниками. С ними триумфаторствовать?!

А в Государственной Думе против Государя объединилось подавляющее большинство депутатов от социалистов и либералов до столыпинцев-националистов, которые создали так называемый «Прогрессивный блок». И только небольшая кучка монархистов, все время раскалывавшаяся, сохраняла верность Самодержавию. Либеральные антимонархические настроения поддерживали также широкие круги бюрократии и высших сановников. Да что там бюрократия, даже архиереи, даже духовенство приветствовало революцию.

Словом, у большинства политического класса и высшего генералитета того времени было свое представление о триумфе. Русское общество было настолько заражено революцией, что триумф мог быть только революционный. Он и состоялся.

Знаменитые слова Царя-Мученика Николая из дневника: «Кругом измена и трусость и обман», — это приговор всей политической элите Российской Империи. Только Государь до последней возможности цеплялся за власть, поскольку остро чувствовал, что его падение грозит непред-

сказуемыми последствиями для России. Придумывал разные аргументы. Вспомнил даже о старообрядцах, которым давал слово...

Но для генералов и политиков все это были пустые слова. Умы представителей политической элиты были заняты другим, они делили будущие должности, готовились «рулить Россией».

И Государь, увидев, что помощи ждать неоткуда, смирился. Он до последнего удерживал Россию на краю пропасти, но когда политики и генералы начали в один голос убеждать, что его отречение нужно для блага России, он махнул рукой — делайте что хотите.

Тут надо пару слов сказать по поводу спекуляций вокруг якобы подложного Манифеста об отречении. Сейчас эта тема активно обсуждается публицистами. При этом сторонники этой версии не обращают внимания на такой простой аргумент против их гипотезы о подлоге. Если Государь Манифест не подписывал, но документ был опубликован в газетах за его подписью, он не мог об этом не знать. А значит, он наверняка сказал бы кому-то из приближенных, с кем имел возможность общаться относительно свободно почти год после ареста, что Манифест подложный. Ведь это же величайшее государственное преступление! Люди, поднимающие пустой шум из-за якобы подлога, не отдают себе отчет в том, что они таким образом клеветуют на Государя, делая его соучастником выдуманного ими государственного преступления. Знал о подлоге и молчал!

Эти люди, руководствующиеся на первый взгляд патриотическими побуждениями, не хотят также подумать над тем, какую свинью они подкладывают нынешней российской власти и какие козыри дают нашим «заокеанским партнерам». Российская Федерация объявила себя правопреемницей СССР, который стал наследником Российской Империи, и на этом основании никто не может усомниться в законности контроля в советскую эпоху шестой, сегодня седьмой части суши. Но коль власть Временного правительства нелегитимна, то уж тем паче нелегитимна власть большевиков. И тогда у мирового олигархата возникает вопрос: на каком правовом основании нынешняя Россия владеет запасами нефти, газа, полезных ископаемых, воды. Этот вопрос уже робко поднимался М. Олбрайт и некоторыми другими генералами закулисы. А тут им на помощь приходят патриоты, поднимающие тему о якобы подложном Манифесте об отречении.

Но Манифест-то, действительно, оформлен неправильно, да и подпись Государь поставил карандашом, а он был опытным человеком. Как это понимать, спросит меня. Вопрос законный. Но ответ на него надо искать в логике борьбы Государя с заговорщиками. Царь понимал, что он — в западне. Он увидел, что многие генералы и руководство Думы — изменники. Но у него оставалась еще, видимо, надежда на государственный аппарат. Нарочито неправильно оформляя такой важнейший документ, Царь посылал сигнал своим верным подданным, что отречение у него вырвано силой...

Никакой реакции не последовало...

И Государь понял, что у него не осталось верноподданных. Оставалось принести себя в жертву за народ, забывший клятву, присягу и честь...

Во второй половине XIX века железный канцлер Отто фон Бисмарк, объединивший немецкие земли в единую Германскую империю, бросил знаменитую фразу, что политика делается не речами, празднествами и песнями, а «только железом и кровью». На эту фразу откликнулся знаменитым стихотворением «Два единства» наш гениальный поэт и мыслитель Федор Иванович Тютчев: «Единство, — возвестил оракул наших дней, — // Быть может спаяно железом лишь и кровью...» // Но мы попробуем спаять его любовью, — // А там увидим, что прочней...». В этих строках заключено глубокое понимание сути христианской госу-

дарственности, строящейся на евангельских максимах. И, по мысли славянофилов, с которыми до духу и фактически был дружен Тютчев, — в этом одно из фундаментальных отличий русской и западноевропейской цивилизаций.

Царь-Мученик Николай Александрович воспитывался в атмосфере, когда славянофильские идеи активно входили (правда, в облегченном виде) в общественную идеологию. «Время славянофильствует», напишет позже философ Владимир Эрн. Оно начало славянофильствовать, пожалуй, уже с эпохи Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, вызвавшей невероятный рост любви к «братушкам-славянам». В это время будущему Императору было уже 10 лет.

Неудивительно, что Николай II критически относился к Петру Великому, который, совершая революцию сверху, безжалостно ломал традиции и привычки, не считался с жертвами ради достижения полезных для государства целей. Для славянофилов Царь Петр, прорубивший окно в Европу, был одним из главных объектов критики.

Николай Александрович желал править народом по-евангельски, любовью. Неслучайно его сильнейшим оружием был знаменитый взгляд его очей, обезоруживавший противников, тех противников, чье сердце не зачерствело и не окаменело, как сердце библейского египетского фараона.

Увы, элита и народ не захотели иметь такого Царя.

Стремление Государя избегать конфликтов, не унижать увольняемых в отставку чиновников рассматривался как проявление слабости, податливость внешним влияниям. Каждый сановник считал себя вправе давать советы Государю, а если он их не выполнял, объявляла его глупым или недалеким человеком. Лучшие люди народа, а именно они, по идее, составляли политическую элиту страны, уже утратили Веру, потеряли правильное понимание Самодержавия и искреннюю любовь к своему Народу, т. е. далеко отошли от основ Русского устройства. Царская Семья, стремившаяся жить по совести, руководствуясь соображениями нравственности, была уже «белой вороной» внутри политического класса Империи.

Крах Империи был неизбежен. Его могла предотвратить революция сверху, для осуществления которой, как я уже говорил, у Государя не было политической опоры. Да и сам Государь по свойству своей природы не был готов действовать революционными методами.

Оставалась революция снизу. Она и произошла.

Но горе было тем, кто ее организовал. Сказал Господь: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили в глубине морской» (Мф. 18:6). Так и случилось. Большинство из организаторов и активных участников революции вскоре поплатились за это — кто собственной жизнью, кто гибелью близких и изгнанием.

А Господь послал народу, не пожелавшему повиноваться доброму Царю, «иных времен татар и монголов», безжалостных «комиссаров в пыльных шлемах», интернациональную сволочь, которая начала вершить Божий суд над народом, забывшим о том, что он — народ-богоносец.

Но на следующий день после отречения Государя явилась Державная икона Божией Матери, Сама Богородица взяла в Свои руки царские скипетр и державу.

Гражданская война, неизбежно запыхавшая в стране, большая часть мужского населения которой только что вернулась из окопов, не обеспечила национального единства. От «красных» этого нельзя было ожидать по определению. Но и «белые», вроде как поднявшие знамя национальной идеи, от Царя отказались, предпочли бороться то за Учредилку, то за непредрежденчество. В результате Святейший Патриарх Тихон, симпатизировавший белым, не дал им своего патриаршего благословения на их борьбу.

В гражданской войне столкнулись «правда белая» и «правда красная», и полилась рекой русская кровь. Храбрецы-удальцы, георгиевские кавалеры воевали с обеих сторон. И не нам сегодня судить выбор георгиевских кавалеров В. О. Каппеля и В. И. Чапаева, — они оба заплатили за свой выбор кровью, оба душу свою за други своя положили. Как они это понимали...

Кровавая вакханалия гражданской войны породила беспредел 20-х и 30-х годов. НЭП, который так любят нахвалять современные коммунисты и розовые социал-демократы, как гениальное изобретение Ленина, был временем тотального разврата. Целомудрие изгонялось из общественной жизни, сама человеческая жизнь уже ничего не стоила, убийства на бытовой почве становились обыденностью. В правящей партии шла ожесточенная борьба группировок за власть. Церковь была отдана на откуп обновленцам и живодерковникам.

Но в это же время шла невидимая глазу работа народного духа. Подвиг Новомучеников и Исповедников Российских, шедших на мучения, в тюрьмы и ссылки, создавал ту невидимую, но твердую как скала основу для изменений в обществе и затем во власти. Гонителям уже казалось, что они перебили, арестовали и отправили в тюрьмы и ссылки самых активных, а остальных запугали. Но вот проводится перепись населения в 1937 году, и оказывается, что верующими не побоялись назвать себя почти 60 процентов. И это после погрома Церкви, репрессий против духовенства! Как известно, графа о вероисповедании была внесена в переписной лист по личному указанию Сталина, который словно хотел удостовериться, не сломлен ли дух русского народа. А ведь накануне переписи вовсю ходили слухи, что таким образом хотят переписать всех последних христиан для их тотального избиения. Характерны в этом смысле записи в дневнике идейно близкого большевикам-сталинистам знаменитого русского писателя М. М. Пришвина, которого эта перепись заставила осознать себя православным, он не пожелал отречься от Христа и исповедал себя в переписи христианином. *Именно эта перепись — переломный момент в нашей истории, от которого быстрыми темпами пошел процесс национализации большевизма.*

Еще до переписи было возвращено изучение истории в школах, разрешена Новогодняя (все понимали, что Рождественская) елка. А затем были широко отпразднованы юбилеи великих русских поэтов. Начались съемки патриотических фильмов о знаменитых русских полководцах. Никто уже не предагал, как ранее Д. Алтаузен, — «Минина и Пожарского расплавить». Забились в истерике враги: термидор наступает — но ничего сделать уже не могли.

Господь смилостивился над русским народом благодаря заступничеству Божией Матери, молитвам Новомучеников и Исповедников Российских и послал России Сталина — правителя жестокого, коварного, но относившегося к своей деятельности как к служению. Не напрасным, видать, оказалось обучение в духовных школах.

Сначала Сталин в целях борьбы за власть начал создавать себе политическую опору в новом истеблишменте. Его главный политический противник Лев Троцкий, ставленник американских банкиров, такую опору имел в лице красных командиров, которых он лично подбирал и расставляя на должности во время гражданской войны. «Ленинская гвардия» профессиональных революционеров тоже была в основной своей массе на его стороне, а не на стороне грузина Сталина. И Сталин предпринимает тонко выверенный политтехнологический ход, — на волне партийной скорби по случаю смерти Ленина он инициирует так называемый «ленинский набор» в партию, по которому в РКП (б) вступили 100 тысяч русских (в основном) рабочих и крестьян. Сталин сумел повернуть это вопреки прямому запрету Ленина на расширение членства партии. Через десять лет все эти Макары Нагульновы стали руково-

дителями парторганизаций и составили политическую опору Сталина, благодаря которой он и сумел осуществить термидорианский переворот в партии и государстве.

Борьба была ожесточенной, поскольку на кону была власть над Третьим Римом. Страдали и невинные. Причем, среди репрессированных были и политические сторонники Сталина, с которыми расправлялись от его имени.

А все это трагическое двадцатилетие лихолетья увенчала страшная, но и очистительная Великая Отечественная война...

В 2009 году мне довелось посетить в Полтаве удивительный и страшный музей. Создал его диакон Александр Собко. Бывший спортсмен, он долго собирал по деревням и селам Малороссии необычные иконы — иконы-мученицы. Иконы, которые были досками в полу, на потолке, в стенах — в хатах у местных селян. У некоторых икон отрезаны главы, у некоторых ноги, — доски, видать, были великоваты... Страшное зрелище. Но и поучительное. Я тогда понял, что Голодомор не был случайностью, что Великая Отечественная война не могла не быть такой кровопролитной, что репрессии не могли быть менее масштабными. Ибо страшен был грех народа...

И в заключение обратимся к духовной логике нашей истории. Ее очень просто выстроить — достаточно наложить Пасхалию и церковный календарь на календарь светских событий. Это порой помогает понять духовную суть самых сложных исторических эпох.

Итак, 22 февраля 1917 года Император Николай II выехал на фронт. Это была среда. Шла вторая седмица Великого поста, время особенного покаяния для всех православных христиан... На следующий день, словно по команде, в Петрограде начались беспорядки. 23 и 24 февраля город будоражили «бабий бунт» против дороговизны хлеба и забастовки рабочих на окраинах столицы. 25 февраля беспорядки перекинулись на центральную часть города, где проходили непрерывные митинги, на которых произносились революционные речи. В этот день произошло знаковое событие — казак (своего рода символ порядка) зарубил шашкой пристава Крылова (до сих пор безвестная, первая жертва Февральской революции), пытавшегося вырвать красный флаг из рук демонстрантов. Казаки изменили Царю.

Роковым стал следующий день 27 февраля, когда начался солдатский бунт. Толпа захватывала полицейские участки, было сожжено здание Окружного суда, захвачена тюрьма «Кресты». Так началась 3-я (Крестопоклонная) седмица Великого поста. В тот же день в здании Думы в Таврическом дворце возникли два самочинных революционных органа: Временный комитет Государственной Думы и Совет рабочих и солдатских депутатов. Итак, в понедельник Крестопоклонной Седмицы толпа православного народа была не в храме, а штурмовала петроградскую тюрьму «Кресты». Измена и бунт против Помазанника Божия во время Великого поста — это приговор народу. Так стоит ли удивляться тому, что вскоре наступило время гнева Господня на Руси?!

А вот хронология событий почти 30 лет спустя. 12 июля 1943 года в праздник святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла происходит знаменитое Прохоровское танковое сражение, решившее исход Великой Отечественной войны. 6 мая 1945 года Церковь торжествует по случаю великого праздника Воскресения Господня и одновременно дня Великомученика и Победоносца Георгия, а победоносная русская армия, предводимая маршалом Георгием Жуковым, берет штурмом столицу фашистской Германии, и наши солдаты водружают знамя Победы над рейхстагом. Победа над смертью и победа над зримым воплощением смерти — фашизмом — происходят в один день. Подробнее об этом я писал в статье «Священная русская история».

А через 50 дней в праздник Святой Троицы 24 июня 1945 года в Москве проходит Парад Победы. Я не могу допустить, что И. В. Сталин не знал, что 24 июня будет праздник Святой Троицы. Наверняка знал и назначил торжественный Парад Победы специально в этот день!

И последнее для полноты картины. 2 сентября 1945 года в день окончания Второй мировой войны И. В. Сталин выступил с «Обращением к народу» по случаю победы над Японией. Знаковый документ для понимания Сталина. Он подчеркнул, что японская агрессия против России-СССР началась еще в 1904 году. Потом были интервенция, Хасан и Халхин-Гол. Все это — звенья одной цепи. Несмотря на победы Красной Армии над японцами, писал Сталин, «поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. *Сорок лет ждали мы, люди старого поколения* (выделено мной. — А. С.), этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции». Какая нарочитая демонстрация исторической преемственности!

Для меня Царь-Мученик Николай Александрович и Иосиф Виссарионович Сталин — звенья одной цепи. Цепи нашей русской истории. Непростой. Трагической, но и героической. Поэтому нет ничего удивительного в рассказе иеромонаха Феодорита (Валикова), участвовавшего в штурме Берлина. Он увидел в мае 1945 года на ступенях рейхстага неизвестного ему полковника, в котором позже он узнал по фотографии Царя-Мученика Николая II. В этом явлении Государя есть глубинная правда истории, ведь И. В. Сталин довершил то, что не дали совершить Императору.